

СВЕТ, ИСХОДЯЩИЙ ИЗНУТРИ

Воспоминания о Мстиславе Семенове Ларисы Петровой (Курановой)

Мне трудно писать о Мстиславе Владимировиче, поскольку отношение к нему сохранилось достаточно противоречивое. С одной стороны, мне не хочется быть неблагодарной, а с другой - очень непросто было быть его ученицей.

Наша семья приехала в Бежецк в начале 1960-х. Там, где мы раньше жили, музыкальной школы не было. Мама очень хотела, чтобы я училась музыке, ибо лучшей профессии для ребёнка она не видела. Скрипка была пределом её мечтаний, и моё будущее было предрешено. По итогам вступительных экзаменов я в школу не прошла, конкурс был достаточно серьёзный. Но мама настоятельно просила, и её просьбе вняли — в школу зачислили. Я была очень послушным и исполнительным ребёнком, в общеобразовательной школе училась хорошо и так же старательно подходила к занятиям в музыкальной школе. Наверное, всё было бы гораздо проще, если бы я училась играть на фортепиано или баяне, но скрипка...

Мы жили недалеко от музыкальной школы, и мой урок по специальности был первым по расписанию. Я приходила утром, когда в школе ещё было тихо и топились печки. Печка в классе всегда была тёплой, на неё мы клали свои рукавички и грели руки.

Весной-осенью рядом с классом стояли галоши Мстислава Владимировича. В то время их уже почти никто не носил, и ученики между собой тихонько посмеивались над ним.

Расписание составлялось так, чтобы специальность не была привязана к другим занятиям. Урок длился столько, сколько преподаватель считал нужным. Если не было следующего ученика, то М.В. продолжал занятия с предыдущим. Часто он отправлял ученика в свободный класс доучивать задание или разбирать новый материал.

Свободным, как правило, был класс без печки. Постоянно в нём никто не занимался, но пианино там стояло, и педагоги пользовались им по необходимости.

Способные ученики доставляли учителю гораздо больше приятных моментов, но все остальные, и я в их числе, подвергались муштре. М.В. сидел за роялем (единственный в школе рояль стоял почему-то в скрипичном классе) и "выколачивал" по нему наши гаммы, этюды и всё остальное. Концертмейстера тогда у скрипачей не было, все аккомпанементы М.В. играл сам. Но недели за две до экзаменов к нам приходил кто-нибудь из преподавателей-пианистов и проигрывал с нами уже практически готовую программу.

Сейчас я прекрасно понимаю педагога-скрипача, которому приходится работать с "глухим" учеником. Выдержкой М.В. не обладал. Он быстро "вспыхивал", мог толкнуть или ударить ученика по рукам, раздражённый метался по классу и вылетал в коридор. "Весь в себе" быстрыми шагами

доходил до кабинета директора, что-то незначительное спрашивал или говорил и так же быстро возвращался в класс. Это была своего рода разрядка, снятие напряжения.

Конечно, годы, прожитые вне России, наложили на его нервную систему большой отпечаток. Но мне, как ребёнку, тогда было просто ничего не понятно. Вопрос: "Ты слышишь что играешь?!" — меня всегда ставил в тупик. И оценка, полученная на уроке, не была итогом моих домашних занятий. Я всегда шла в музыкальную школу в напряжённом состоянии, играла зажатými руками и думала только о том, чтобы на меня не кричали и не ругали.

Однажды я, позанимавшись дома перед уроком, забыла положить скрипку в футляр и пришла в школу без инструмента. Когда я открыла пустой футляр, гневу М.В. не было предела. Он потребовал дневник, буквально вырвал его у меня из рук, поставил в ярости большую единицу и отправил домой за скрипкой. Вся в слезах я шла домой, а потом, когда вернулась в школу, у меня, как ни в чём не бывало, состоялся урок... Слёзы на занятиях по специальности были не таким уж редким явлением.

Контакт с родителями учеников у М.В. был абсолютно полный. Ни один пропуск занятий не оставался незамеченным. В тот же день после работы он приходил домой к ученику и выяснял причину пропуска. Родители видели и чувствовали его ответственное и заинтересованное отношение к ребёнку и с пониманием относились к его педагогическим "шероховатостям".

Во время учёбы в школе мы не покупали скрипки, они переходили от ученика к ученику. В начале каждого учебного года инструменты подбирались ученикам по росту. В классе был шкаф, в котором всегда находилось несколько скрипок разных размеров в разобранном состоянии, некоторые были с трещинами или рассохшиеся от времени. Стараниями М.В. эти инструменты "оживали". Склеить деки, заменить и подогнать подставку, укрепить колки, выточить и поставить душку, приклеить гриф, поменять петлю у подгрифка — всё М.В. делал сам. И я, наблюдая за учителем, полностью освоила так пригодившийся мне впоследствии ремонт инструментов.

Иногда, не помню уже по каким причинам, но очень редко, М.В. проводил занятия у себя дома. Маленькая угловая однокомнатная квартирка находилась на последнем 5-ом этаже в доме по ул. Калинина, где был магазин "Восход". Вечером окна выделялись среди других ярким светом дневных ламп. Они подсвечивали кактусы, размещённые по всем окнам в несколько ярусов. Все кактусы были миниатюрными и вызывали неподдельную гордость хозяев своим редким цветением.

На звонок М.В. подходил к двери, но никогда сразу не открывал, просил подождать. Это ожидание порой затягивалось... Оказавшись в квартире преподавателя впервые, я была поражена её освещением. Ламп не было видно, и свет исходил откуда-то изнутри, как бы из глубины, подсвечивая репродукции картин на стенах. Это создавало какую-то необыкновенную атмосферу ... Последний раз я была у М.В. уже после смерти Нины Михайловны, его жены. Сейчас понимаю, что весь дом держался на ней.

Нина Михайловна всегда вспоминается у меня с большой теплотой. Как-то раз дома она усадила меня пить чай и поставила на стол несколько розеточек с разным вареньем. Я должна была попробовать каждое и угадать, из чего оно сварено. Вот тогда я впервые попробовала варенье из помидоров!!! Уже потом поняла, что это, наверное, был пищевой физалис...

Ещё помню, что она шила для кукол национальные костюмы, и я принесла ей кусочек ткани с узбекским орнаментом, который моя мама когда-то купила в магазине уценённых товаров. Последний раз видела Нину Михайловну в Калининске уже во время моей учёбы в музыкальном училище. Она лежала в областной больнице. Я пришла к ней с букетиком ландышей и поняла, что это было лучшее, что я смогла сделать для этой женщины.

Ежегодным подведением итогов был отчётный концерт музыкальной школы в конце мая. От этих дней у меня осталось воспоминание праздника. Как правило, была хорошая погода (или мне уже сейчас так помнится), цвела черёмуха, а мы все ощущали себя нарядными и счастливыми. И всегда к этому дню был приурочен наш поход в фотографию. По-моему, М.В. был единственным преподавателем в школе, который старался таким образом сохранить память и для себя и для своих учеников. Это было хорошей традицией, и позднее фотографа стали приглашать в школу для всех.

Закончу тем, что след в моей душе от Мстислава Владимировича всё же остался светлым. Он был моим учителем таким, каким был. И работа с нами, учениками, для него была не одной из составляющих его жизни, а самой жизнью. Иногда оболочка бывает колючей, но изнутри исходит свет....

Петрова (Куранова) Лариса Ивановна - выпускница Бежецкой детской музыкальной школы по классу скрипки М.В. Семёнова (1969). Окончила Калининское музыкальное училище. С 1973 по 1975 гг. преподаватель по классу скрипки в Бежецкой детской музыкальной школе. С 1976 по 1998 гг. - преподаватель по классу скрипки в Новомосковской детской музыкальной школе №1 Тульской области. В настоящее время на пенсии.